

зультате первого, по сути, информационного чтения, этот мини-рассказ был воспринят детьми как рассказ на тему "не укради" и показался им очень простым и понятным, не требующим обсуждения. Затем учитель попросил заполнить чувствами не только каждую строку, но и все пространство, находящееся между строк, и под ними и над строками, направляя их работу соответствующими вопросами. В результате рассказ превратился в сложный, загадочный, философский. Он стал произведением совсем о другом — о доброте, взаимопонимании и согласии в семье, о великодушии и радости прощения. Эта смена содержания рассказа произошла в результате смены способов чтения — информационного на созидающий, продуктивный, творческий.

Подобное движение мысли читателя библиотекарь найдет и в книге И.Н.Тимофеевой "Что и как читать вашему ребенку от года до десяти", которую мы не раз упоминали. Стоит прочитать хотя бы одну беседу автора с читателем по книге

М.Твена "Принц и нищий", чтобы убедиться, как, отталкиваясь от сюжета повести (информации), автор ведет читателя к таким нравственным глубинам, которые способны потрясать.

ЛИТЕРАТУРА:

Айзерман Л. Зачем я сегодня иду на урок литературы // Знамя. — 2003ю. — №5. — С. 177-187.

Левин В. Когда маленький школьник становится большим читателем. — М.:Лайда, 1994. — 192 с.

Сурова Л. Методика диалогового чтения// Воспитание школьников. — 2001. — №8. — С.39-43.

Тихомирова И.И. Понятие чтения в контексте стратегий читательской деятельности // Вестник библиотечной ассоциации Евразии. — 2003. — № 1. — С.65-68.

Троицкий В. На путях к духовным истокам созидающего чтения // Воспитание школьников — 1998. — №6. — С.20-25.

И. И. ТИХОМИРОВА,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Онегин и детское чтение сегодня

По следам наших публикаций.

Отклик на статью Ю.Н. Столярова "Роль книги, библиотеки в судьбе героев «Евгения Онегина» («ШБ» №8, 2003).

Уважаемый Юрий Николаевич!

С большим вниманием и не один раз прочитала Вашу блистательную статью о роли книги и библиотеки в судьбе героев «Евгения Онегина». Вашими усилиями роман Пушкина засверкал новыми гранями, столь близкими нашему библиотечному сердцу. Рассмотрение судеб героев романа под углом зрения их чтения, безусловно, привлечет внимание неравнодушных учителей-словесников и думающих библиотекарей, и они найдут способ использования этого ценного материала в своей работе. Я лично собираюсь с Вашей статьи начать первую тему курса «Психология детского чтения», посвященную феномену «Чтение». **Но главный**

смысл Вашей статьи я вижу не в ее прикладном значении, а в ее социально-философском звучании, выходящем за рамки пушкинского романа и касающемся судьбы каждого из нас и судьбы России в целом.

Многие авторы обращали внимание на репертуар чтения героев романа «Евгений Онегин». Но, как мне известно, ни один из них не копнул в этом ракурсе роман так глубоко, как это сделали Вы. Вы вычленили проблему чтения в самостоятельный предмет исследования, и не только выявили пушкинские строки, прямо или косвенно касающиеся поднятой темы, не только интерпретировали их в контексте драматических судеб героев романа, но вышли

на актуальные проблемы современности. Надо признаться, что выводы о формировании «русскости» общественного сознания, смене читательской моды после выхода романа Пушкина и органичности возникновения в этой связи Пушкина-прозаика для меня явились открытием. Эту тему Вы развили чрезвычайно интересно.

Безусловно, специалисты обратят внимание на Вашу трактовку неоднозначной роли чтения в жизни человека. Вы показали, что литература может содержать в себе положительной и отрицательной заряд, нести добро и зло, в зависимости от того, на какую почву попадают семена и какого они качества. Так, книги, которые читал Онегин, не отвратили его от пороков, а приобщили к ним, утвердили в справедливости его «себялюбивой и сухой» философии жизни. Поднятая Вами тема влияния литературы на судьбы людей, на их умонастроение как никогда раньше актуальна для наших дней и заслуживает специального разговора, тем более, что в настоящее время наблюдается снижение ореола книги в сознании людей, а бытующий ранее в России литературоцентризм (поэт в России — «больше, чем поэт»), определивший духовный менталитет нации, ныне подвергается критике.

При всей значимости данной темы для нашей страны сегодня я хочу остановиться не на ней, а на той, которая вынесена Вами в эпиграф: «но на чужой манер хлеб русский не родится». Эта тема прямо связана с судьбой России. Пушкин показал нам не просто роль литературы в становлении личности, но драму русского человека, усвоившего чужие нравы, ставшего пленником «чужих причуд» и пренебрегшего родной культурой. **Выдвинув эту проблему и рассмотрев ее на судьбах героев романа, Вы попали в болевую точку сегодняшней действительности, определяющую будущее нации.** Да, герои романа Пушкина выросли и были вскормлены разной литературой. Онегин — английской, Ленский — немецкой, Та-

тьяна — по преимуществу французской. Они — носители разных культур, что и разъединило их, обусловило драматизм их взаимоотношений. Английский рационализм, немецкий романтизм и французский сентиментализм сформировали персонажей романа с разными жизненными установками, оказавшимися не только несовместимыми, но и конфликтующими. **Вместе с тем, надо отдать должное героям Пушкина — все они выросли на литературной и философской классике.** Духовный облик Ленского сформировали Гете, Шиллер и Кант. Татьяны — Руссо, Ричардсон. Онегина — экономист и реформатор Смит. Разные культуры при игнорировании своей сделали героев разными людьми, но людьми. Я хотела бы это подчеркнуть. **Классика, к какой бы культуре она ни принадлежала, всегда имеет вектор на возвышение человека и несет в себе гуманистические идеалы, формирует личность. Этот формирующий и облагораживающий вектор особенно важен, когда речь идет о подрастающем поколении. У Дюма, например, юный Лев Толстой искал и находил «идеалы нравственных достоинств», которые формировали его внутренний мир, легли в основу его духовного становления. Достоевского, как он утверждал, спас от растлевающих впечатлений реальной жизни Вальтер Скотт, прочитанный им в 12 лет. Через всю жизнь пронес Горький любовь к Флоберу, которого в отрочестве открыл для себя и который пробудил у него интерес к простому человеку. Эти примеры можно было бы продолжить.**

Мы могли бы только радоваться, если бы сегодняшние дети читали такого ранга «заморскую» литературу и учились бы на ней быть людьми. Но как раз этого-то и не происходит. А происходит совсем другое.

Современная жизнь в России кроется на чужой, и, прежде всего, на американский манер, на который ориентировано и чтение детей. Американская культура хорошо приживается и укореняется в детском сознании.

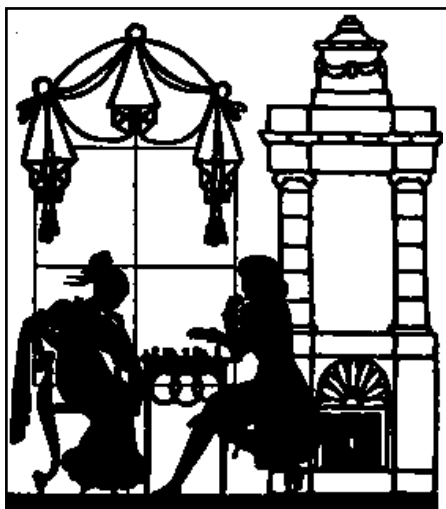

Но это не Марк Твен, и не Майн Рид, и не Джек Лондон.

Правит бал в детских душах наших детей и формирует идеалы совсем другая литература – литература, разрушающая нравственные устои личности ребенка и зомбирующая его. Миллионными тиражами издаются и раскупаются переводные книги, наполненные колдунами, зельями, вампирами, монстрами и другой нечистью. В этот мутный поток оккультизма и сатанизма хлынули и отечественные сочинители, клонирующие первоисточники. Как рассказал коммерческий директор книготорговой сети Д. Палестин на недавнем совещании по детскому чтению в Министерстве образования Российской Федерации (Известия 15 янв.) (ныне: образования и науки), спросом пользуются не только книги о Гарри Поттере, но и их русские перепевы – «Перри Гаттер», «Таня Гроттер», морочащие головы нашим детям тайными мирами, отрывающими их от действительности. Хорошо, по его словам, продаются «Черные желания» и «Артемиус Фаул» Оуэна Колфера, «Северное сияние» Филиппа Пулмана, «Воин Рэдвола» Брайана Джекса, «Самсон и Роберта» Ингвара Амбьерсена. Перечисляя самые ходовые книги, докладчик констатировал как само собой разумеющееся, что зарубежные классики не читаются современными детьми.

Не менее разрушительна для российского ребенка и направленность отечественных книг на восхваление американского образа жизни, чужеродной нам культуры, лишенной духовного начала. Когда-то Пушкин, еще на заре становления Америки, подметил характерные черты этой культуры: «Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort) большинства». Указанные русским гением черты американской потребительской психологии за 200 лет значительно усугубились. Именно они и выдаются отечественными авторами за образец, делающий детей его пленниками. Как говорится в одной популярной книге плодовитого детского автора, самой заветной мечтой российского школьника, живущей в семье рядового инженера, являются Карибы, остров Ямайка, с его ресторанчиками, барами, виндсерфингом, прогулками под водой с аквалангом. Писатель, хорошо владеющий литературным язы-

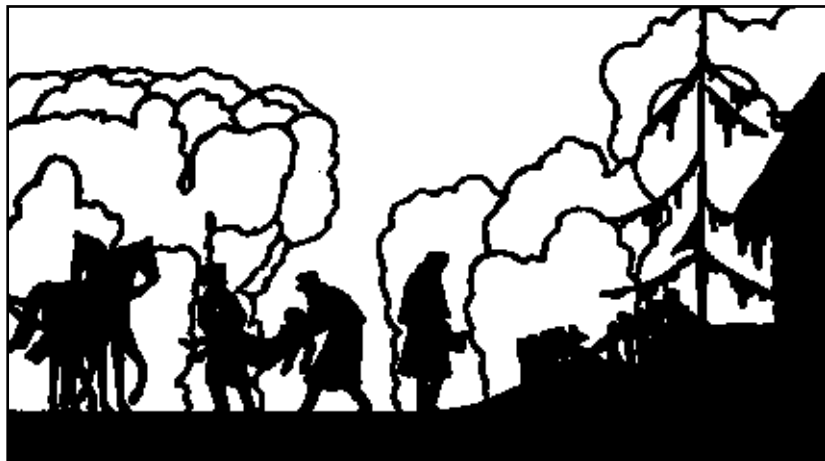

ком, со смакованием рисует заморские яства, какие подаются на завтрак и ужин посетителям ресторана на Ямайке. Читаешь, и невольно вспоминается Маяковский: «Ешь ананасы, рябчиков жуй». У российского подростка со сбывшейся мечтой на Ямайке развиваются не только гурманские наклонности, но и меняется поведение. Подобно американскому завсегдатаю ресторана, он выказывает свои капризы официанту, требуя каракатиц иного качества приготовления, чем те, что ему принесли. **Вот она, «скушать по-**

данная», конкретизированная модель «неумолимого эгоизма и страсти к довольству», в которой отсутствует «все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую». Именно на эту, скроенную по американским лекалам, бездуховную модель жизни, неизменными атрибутами которой являются доллары, пистолеты, бассейны, виллы, гидромассажи, но при этом обесцененная человеческая жизнь, и нацеливают отечественные авторы детские души. **А ведь этим душам, с неокрепшей корневой системой, лишенным духовных и нравственных традиций родной культуры, принадлежит будущее России.** Не трудно представить, каким оно будет. Миропонимание человека-потребителя, целиком сосредоточенного на своих эгоистических выгодах и удобствах, пересаженное на самобытную русскую почву с иными ценностями, дает, как показал нам Пушкин, горькие и уродливые плоды. Их-то и придется пожинать нашим детям, а значит, и России.

Как говорят исследователи, детская отечественная литература с ее исконной воспитательной функцией, гуманистическими идеалами, наличием положительных героев перестала существовать. Саму возможность создания нового героя,

сокохудожественные произведения 70-80 годов 20 века, возвращенные на родной почве, формирующие достойных граждан России, воспитывающие высокие нравственные качества. На чем другом, как не на нашей классике с ее гуманистическими идеалами, мы можем реализовать призыв «Сохраним духовность России», начертанный на Федеральной программе «Чтение». Могут сказать – эта литература изучается в школе. Формально это так. Но школа сделала все возможное, чтобы отвратить детей от нее, выработать у них ал-

который бы поднимал читателя, увлек его за собой, нацеливал на добрые поступки, наши современные писатели подвергают осмеянию.

Недавно мне пришлось убедиться в качестве литературного потока, адресованного детям. Сотрудница ЦГДБ им. А.С.Пушкина познакомила меня со списком детских книг, изданных в России в 2002-2003 году. Из более чем четырехсот названий не нашлось и десятка полноценной литературы (и та в переизданиях), которая вела бы ребенка к Родине, к гуманности, патриотизму и формировала бы в нем лучшие человеческие качества. Лишь издательство «Детская литература» отважилось выпустить сборник лучшей детской литературы прошлых лет и назвать его «Классики». Остается завидовать тем нищим библиотекам, которые не имеют денег, чтобы заполнять свои полки чуждыми для развития ребенка книгами. Они предлагают детям, и часто небезуспешно, сохранившиеся в их фондах вы-

лерию на все великое и духовное.

Многоуважаемый Юрий Николаевич, поднятая и исследованная Вами тема роли чтения в судьбе героев «Евгения Онегина» выходит за рамки частного случая и имеет методологическое значение. Такого характера размышлений в профессиональной печати нам очень не хватает. Мы варимся в прагматических, сугубо библиотечных вопросах, боясь подняться на уровень философский, гражданский, социальный. Мы смирились с новой (кризисной) моделью чтения детей, полагая, что она задана самой жизнью и изменить ее невозможно: «какова жизнь – такова и литература, таково и чтение». Мы добровольно сдали позиции активного влияния на литературный и читательский процесс, предали и осмеяли традиции руководства чтением, идеями и опытом которого пользуется весь мир. Мы пожинаем горькие плоды собственной инерции, ограниченной удовлетворением читательского спроса и информационной деятельностью. Мы спокойно наблюдаем, как наших детей развращают наши же писатели, уводя их через суррогат искусства от подлинных проблем человеческой жизни и ее ценностей. Вы призвали читателей журнала «Школьная библиотека» откликнуться на Вашу статью. Ее потенциал глубок и многогранен. Я предвижу, что разговор может пойти в разных направлениях. Но в какую бы сторону он ни повернулся, он необходим. Пора выходить из «страусино» состояния и заявить о своих позициях. Драма героев «Евгения Онегина», обусловленная их чтением, может для наших детей и при нашем попустительстве обернуться не драмой, а трагедией с далеко идущими последствиями не частного характера. Думаю, что не я одна разделяю Вашу мысль о том, что нам нужна собственная литература, нужна принципиально иная литературная мода, мода на хорошую русскую литературу, духовно поднимающая читателя и ведущая его к свету. Помочь сделать этот поворот – наша профессиональная задача.

